

СТАРЧЕСКІЕ ЗАВѢТЫ.

I.

Недавно я посѣтилъ Петра Ивановича. Старикъ ученый, подобно всѣмъ намъ изгнанный изъ Россіи, волею судьбы заброшенный въ глухія горы и живущій переводами, великолѣпными переводами, которые онъ посылаетъ въ какой-то университетъ въ Америку . . . Старикъ всегда поражалъ меня своимъ простымъ здравымъ смысломъ. Теперь, удалившись невольно отъ міра, онъ сталъ глядѣть на все какъ-то особенно просто и опредѣленно. Порою кажется, что онъ черпаетъ мысли изъ глубины окружающей его дивной природы.

Старикъ, долго не видавшій знакомаго лица, обрадовался мнѣ. Онъ угостилъ меня скромнымъ ужиномъ, и вечеромъ въ его уютной комнатѣ, подъ тихое завываніе вѣтра, полилась наша мирная бесѣда. Разговоръ невольно коснулся нашего бѣженства, далекой Родины и ея печальной судьбы. Я жаловался Петру Ивановичу на удивительную безысходность нашего положенія. Всѣ мы хотимъ спасти Россію, но какъ? и когда? Да вѣдь часто некогда не только дѣйствовать, но и думать. Такъ трудно дается даже необходимый кусокъ хлѣба.

— Такъ-то оно такъ, — задумчиво сказалъ Петръ Ивановичъ. — всѣ мы дѣйствительно хотимъ и всѣ говоримъ, что по первому зову бросимъ все и куда-то пойдѣмъ спасти Россію. А вдумались ли вы. — пойдѣтъ ли дѣйствительно большинство по этому первому-то зову? Бросить ли съ трудомъ нажитыя крохи, жену, дѣтей, близкихъ, чтобы идти на возможную смерть и вѣрныя страданія?

— Да, — сказалъ я съ убѣжденіемъ. — я думаю, что большинство пойдѣтъ.

— Пойдѣтъ, — отвѣтилъ Петръ Ивановичъ. — если будетъ знать навѣрное, что предпріятіе увѣнчается успѣхомъ. Но можно ли требовать этого отъ судьбы? не слишкомъ ли много мы отъ нея дожидаемся?

— Нѣтъ, продолжалъ онъ. вы посмотрите на это съ другой стороны. Вы — бѣженецъ. Представьте, что вамъ завтра предложить идти не въ побѣдоносный походъ съ барабаннымъ боемъ и развернутыми знаменами, а *незамѣтно* и *скромно* провезти изъ Лондона въ Вѣну маленькую бумажонку, за которой, вы знаете, будутъ сильно охотиться тѣ, кому эта бумага мѣшаетъ. Возьметесь ли вы за это дѣло, гдѣ васъ возможно ждетъ пуля, кинжалъ или иная незамѣтная и безславная смерть? Способны ли вы будете *умолчать* и *не хвастаться* въ случаѣ удачи? Готовы ли вы къ тому, чтобы неожиданно бросить все, что вамъ дорого, и рисковать своей жизнью? Готовы ли вы исполнить *непонятное для васъ* порученіе, не спрашивая о немъ? Есть ли у васъ такой начальникъ, въ мудрость и опытъ котораго вы вѣрите и приказанія котораго вы исполните безъ празднаго любопытства? А что сдѣлаетъ бѣженская масса, если у большинства нѣтъ такого лично признаннаго начальника, нѣтъ рулевого, дающаго курсъ кораблю?

— Или другое: скажемъ, завтра въ Россіи — переворотъ. Устанавливается какая-то новая власть, при которой можно работать. И вотъ вамъ предлагаютъ мѣсто школьнаго учителя въ пригородномъ селѣ. Святая задача — исправить въ концѣ испорченную молодежь. Кругомъ зеленые, — непримирившіеся съ новою властью чекисты, скрывающіеся въ лѣсахъ и грабящіе населеніе. Войскъ мало. Крестьяне относятся съ недовѣріемъ. Дѣти — форменные хулиганы. О томъ, чтобы взять туда семью, не можетъ быть и рѣчи. Опасность и страхъ на каждомъ шагѣ. Готовы ли вы въ любую минуту, скажемъ — черезъ часъ, бросить всехъ и все и ѣхать туда, куда призываетъ долгъ?

— Это я вамъ привелъ только два примѣра, но подобныхъ примѣровъ могутъ быть тысячи.

— Готовы ли ваши *мысли*? Настроены ли вы такъ, чтобы дѣйствительно серьезно пожертвовать всемъ для Родины, и не на словахъ и мечтахъ, а въ грубой дѣйствительности? Вотъ задача: *очищеніе своихъ мыслей молитвой и усиленъ воли*, какъ единственно дѣйствительный способъ; направленіе сердца «горѣ» согласно великому призыву церкви: *постоянная жертвенная готовность* въ ущербъ всемъ привязанностямъ, имуществу и самой жизни: *добровольное подчиненіе единой волѣ* разъ избраннаго начальника: и *умѣніе молчать*. Это задачи.

который всякій бѣженецъ можетъ и долженъ поставить себѣ и свято исполнить.

— И увѣряю васъ, добавилъ старикъ, что пока извѣстный процентъ Русскихъ не очиститъ и не приготовить подобнымъ образомъ свои мысли, будь то мужчина, женщина, старикъ или юноша, — до тѣхъ поръ, повторяю, и завѣтный часъ призыва къ служенію *не настанетъ*. Это неизмѣнный *правственный законъ природы*.

— Есть сказаніе, — продолжалъ онъ. — что гдѣ-то въ старину была страна, попавшая въ великое бѣдствіе: и было предсказано, что лишь тогда она освободится, когда найдется человѣкъ, который добровольно дастъ себя замуровать живымъ въ стѣну строящейся крѣпости. Одинъ юноша нашелся, — и страна была спасена. Но то былъ маленькій народъ, а наша Родина велика и обильна. Многое количество людей должно подобнымъ же образомъ возвыситься, — и только тогда настанетъ срокъ.

— Укрѣпить себя, исправить свои мысли: вотъ ваша работа: вотъ ваша задача. *Всякій можетъ ее дѣлать въ любой обстановкѣ*.

Старикъ замолчалъ. Луна озаряла снѣжныя вершины суровыхъ горъ. И мнѣ казалось, что и сердца людей должны стать такими же высокими, такими же бѣлыми, такими же крѣпкими и суровыми, какъ эти исполины. Послѣ зимняго подвига, подъ весеннимъ солнцемъ, растопится ихъ ледяная крѣпость, и устремятся ихъ чистые льды прозрачными ручьями въ долину. Но то будетъ весной. Во время же зимней стужи закуемся въ ледяную броню. Вѣдь наша завѣтная «весна» еще не наступила.

II.

Много думалъ я послѣ вчерашняго моего разговора съ Петромъ Ивановичемъ; заснулъ поздно, но спалъ отлично. Дивное утро въ чудной мѣстности, прозрачный горный воздухъ и яркое солнце освѣжили и ободрили меня. Петръ Ивановичъ уже ждалъ меня за утреннимъ кофе, въ уютной комнатѣ у большого окна съ видомъ на глубокую долину. Мнѣ столько хотѣлось отъ него узнать, что я тутъ же сталъ продолжать интересующій меня разговоръ.

— То, о чемъ вы вчера говорили. — сказалъ я, — мнѣ кажется очень правильнымъ. Но подумайте, какъ трудно даже надъ собой работать, когда кругомъ столько раздѣленій. Много ли насъ бѣженцевъ? А смотрите, сколько партій, сколько группировокъ, и, замѣтьте — все непримиримыхъ. Молиться ходимъ, и то въ разныя церкви, другъ друга не признающія. Вѣдь столько препятствій, что за ними не видишь даже куда и какъ идти.

Старикъ ничего не отвѣтилъ. Онъ только молча пилъ кофе и яснымъ взглядомъ смотрѣлъ на разстилавшуюся передъ нами долину. Наконецъ онъ поставилъ чашку и повелъ такую рѣчь:

— Я расскажу вамъ бывшій со мною случай, — началъ онъ, — быть можетъ онъ лучше многихъ разсужденій объяснить вамъ мою мысль.

Мнѣ помнится, въ бытность мою на Кавказѣ, жила я въ Кисловодскѣ. Не въ самомъ городѣ, а внизу въ станицѣ. Я очень любилъ гулять по долинкѣ Подкумка; но туда надо было дойти. Сначала, когда хаты станицы кончаются, тянутся левяды — сады, огороженные заборами; и мнѣ всегда казалось досадно, особенно въ жаркій день, что заборы эти мѣшаютъ мнѣ ходить по прохладнымъ левядамъ. Затѣмъ надо было съ большимъ трудомъ обходить по грязи огромную лужу, и это тоже было очень скучно. Но вотъ сады кончаются, и тянется долина — пустая, покрытая «степью», т. е. не паханная, съ мелкими камнями; и лишь серебряный рукавъ Подкумка да окружающія горы разнообразятъ эту картину. Но я ее любилъ; въ ней было столько какой-то первозданной задумчивости. Тамъ на дорогѣ есть гора, называется она Красивый Курганъ. Она дѣйствительно красива: не очень высокая и островерховая, какъ курганъ. Я подолгу любовался ею и тихо радовался, на нее глядя.

И вотъ, разъ дошелъ я до «Крутого Спуска»; такъ называется извилистая дорога, круто поднимающаяся на Боргустанъ — высокій гребень, которымъ оканчивается плоскогорье. Медленно и съ трудомъ я взобрался наверхъ... и остановился восхищенный. День былъ ясный. Передо мной разстилались цѣпи горъ, а тамъ, далеко, тянулся снѣжный хребетъ Кавказа, столь близкій своей яркой бѣлизной. Отъ Эльборуса и до Казбека все переливалось ледянымъ сіяніемъ. Я забылъ уста-

тость и забылъ все. Только глаза не могли оторваться от чудной картины, созданной Богомъ.

Насладившись вдоволь, я съѣлъ на землю и сталъ думать о томъ, какъ я сюда взошелъ. И все вспомнилъ: заборы и препятствія, красивый курганъ и крутой, тяжелый подъемъ. Съ любопытствомъ взглянулъ я внизъ въ долину, желая поглядѣть, гдѣ все это осталось. И что же? . . . Вдали мелкими точками бѣлѣли хаты станицы; о препятствіяхъ и заборахъ не было и помину: съ такой высоты ихъ вовсе не было видно. Красивый Курганъ съ горы тоже не былъ замѣтенъ — какъ мелкая выпуклость, онъ слился съ долиной. Подъемъ еще ясно различался у самого обрыва, а внизу онъ терялся въ прозрачномъ туманѣ. Уйди я немного дальше — я забылъ бы и про обрывъ. Мелочи ушли, и видно было только главное направленіе долины. Понимаете ли? — спросилъ онъ.

Вотъ и въ нашей жизни все такъ же. Препятствія кажутся неодолимыми. Мелкія радости слишкомъ долго останавливаютъ нашъ взглядъ. Тяжелыя затрудненія, какъ трудный подъемъ, смущаютъ нашу рѣшимость. Но *поднимитесь хоть немного на гору*, и вы увидите, что подниматься уже не такъ трудно, что препятствія какъ-то странно уменьшились, и что красивые мелочи въ общемъ все же *мелочи*, а *надо смотрѣть наверхъ, къ Богу*. У Него и самъ подынешься, и только Онъ укажетъ, какъ снасти гибнущую Родину.

Но вы скажете: какъ же подняться въ жизни? Есть много способовъ. Поднять нужно *себя*. Прежде чѣмъ поднимать другихъ — нужно *самому подняться*. Надо стараться периодически сбрасывать съ себя гири — низкія страсти, притягивающія къ землѣ. Нужно облегчать свою душу *молитвой*. Нужно возвышать себя исполненіемъ долга и дѣлами любви и милосердія, не мечтами объ этомъ, но — подчеркиваю *дѣлами*; и все это *въ обычной жизни*. Такое ужъ теперь тяжелое время, что тотъ, кто не хочетъ завязнуть въ болотѣ современнаго ужаса — *долженъ возвышаться*. Вотъ какъ поднимаются на Божью гору. Надо помнить, что мелкимъ вещамъ и препятствіямъ нужно удѣлять лишь мелкую мысль. Высокая и сильная мысль — только къ Высокому и Сильному — къ Богу.

— А какъ же раздѣленіе въ церквахъ? — спросилъ я.

— Церковь. — сказалъ Петръ Ивановичъ. — есть вѣрный путь на вершину, съ опытными проводниками. Дорога на-

верхъ утомительна и идти по обрывамъ. Вы, можетъ быть, думаете, что знаете дорогу. но берегитесь. чтобы не упасть. Идите съ Церковью: даже съ опытными проводниками нѣкоторые обрываются. но безъ нихъ идти не совѣтую. Вы только не сомнѣвайтесь. что ваша Церковь есть путь вѣрнѣйшій и кратчайшій. Вы можете личнымъ примѣромъ и другимъ показать. что вашъ путь скорѣе приведетъ къ завѣтной цѣли. *Примѣръ — единственно сильное убѣжденіе.* Но не ругайте и не проклиняйте тѣхъ, которые къ той же цѣли идутъ другими дорогами. Напротивъ. помогайте имъ: они вамъ друзья; они идутъ туда же. Пожалѣйте. что ихъ путь длиннѣе вашего. но не опрокидывайте ихъ въ бездну только потому. что они. въ силу привычки. пожелали идти по своей дорогѣ. Если они искренны. вѣрьте. что и они дойдутъ. — и тогда всѣ будутъ вмѣстѣ. Чуждайтесь и опасайтесь *только тѣхъ, которые сознательно идутъ по дорогамъ, ведущимъ внизъ.* Эти вамъ безусловно не по пути. Божья любовь и внутренняя совѣсть укажутъ вамъ разницу. Но главное — *подымайте себя,* — тогда вѣрнѣй ея увидите.

Говорять. что знаменитый Митрополитъ Московскій Платонъ. бывъ однажды спрошенъ о раздѣленіяхъ въ Церквахъ. замѣтилъ. что онъ надѣется. что земныя перегородки не дорастаютъ до неба.

Помните только одно: для того. чтобы правильно рассуждать о раздѣленіяхъ и препятствіяхъ — нужно знать. Чтобы знать. какъ слѣдуетъ — нужно подняться выше. дабы не путать важнаго съ мелочью. А пока вы внизу — вѣрьте тѣмъ. которымъ вы довѣрились. и которые. стоя выше — лучше и видятъ. А ихъ выбирайте *по указанію своей совѣсти.*

Но. пойдете гулять. — добавилъ онъ. — мы поднимемся на гору. и я вамъ на практикѣ докажу правильность моей теоріи.

И мы пошли.

Графъ Г. А. Шереметевъ.
